

Рассветало рано, и к концу часа Мао в уездном городе уже было немало людей. Семья принесла вещи к своему прилавку. Сюн Цзиньчжоу ещё нужно было отправиться в уездную управу на утреннюю отметку, поэтому он несколько раз напомнил Нин Гуйчжу не перенапрягаться и только после этого ушёл, оглядываясь едва ли не на каждом шагу.

Нин Гуйчжу засучил рукава и вместе со старшим братом и невесткой начал раскладывать принесённые товары.

Они ещё не успели всё расставить, как подошёл первый покупатель:

— Хозяева, мне три порции доухуа. Соусы - мясной, жареное яйцо и сладкая вода.

— Хорошо, сейчас!

Ван Чуньхуа засучила рукава, достала чашки, сначала наполнила их доухуа, затем открыла стоявшие рядом глиняные горшочки и добавила нужные приправы.

Нин Гуйчжу внимательно следил за тем, сколько доухуа и соуса она кладёт в каждую порцию, запоминая объём. Если позже станет слишком людно и ему придётся самому разливать, нельзя было ошибиться и положить слишком много или слишком мало.

— Чуньхуа, Чжу-гер, я схожу за водой, — окликнул их Сюн Цзиньпин и, взяв два пустых деревянных ведра, ушёл.

Нин Гуйчжу невольно посмотрел ему вслед. Заметив это, Ван Чуньхуа между делом объяснила:

— Теперь за день продаём гораздо больше доухуа, а таскать воду из дома слишком хлопотно. Поэтому заплатили немного медяков и каждый день набираем воду из колодца в центре квартала - посуду мыть.

— Хорошо придумали. Можно принести на два ведра доухуа больше, да и самим легче, — сказал Нин Гуйчжу.

Покупателей становилось всё больше. Нин Гуйчжу засучил рукава и начал помогать Ван Чуньхуа: она раскладывала доухуа, а он добавлял соусы и заодно принимал оплату. Даже в самые загруженные моменты одновременно покупали не больше пяти-шести порций, а все расчёты сводились к простому сложению, вычитанию и умножению в пределах десяти. Нин Гуйчжу считал почти мгновенно.

Ван Чуньхуа, улучив короткую передышку, несколько раз посмотрела на него и невольно почувствовала зависть. Когда умеешь читать и считать, любое дело даётся удобнее. Но эта зависть очень быстро сменилась радостью: ведь все трое её детей теперь учились. В будущем им вовсе не обязательно идти по пути двоюродного брата из семьи старшего дяди, сдавать

государственные экзамены и становиться чиновниками, даже если просто останутся дома и займутся небольшим делом, этого уже будет достаточно.

От хорошего настроения даже движения стали проворнее. Чашка за чашкой с доухуа уходила покупателям. Те, кто пришёл раньше и успел поесть, уже начали расходиться. Сюн Цзиньпин поставил принесённые вёдра с водой, собрал использованные чашки и ложки в отдельное ведро и принялся мыть.

Сначала посуду тщательно промывали в ведре с водой и мыльными бобами, затем ополаскивали в другом ведре с чистой водой и уже после этого раскладывали по отдельным деревянным ёмкостям - одну для чашек, другую для ложек, чтобы Нин Гуйчжу и Ван Чуньхуа было удобно брать их во время торговли.

Когда появился ещё один помощник, Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпину сразу стало гораздо легче.

Нин Гуйчжу добавлял соус в чашки с доухуа и сказал:

— Всего двадцать четыре медяка. Платить сюда.

Покупатель положил монеты на стол и взял выставленные Нин Гуйчжу чашки с доухуа. Тот быстро перебрал пальцами лежавшие на столе медяки, убедился, что сумма верная, затем сгреб их в ладонь и бросил в бамбуковую корзинку.

Все трое были заняты без передышки. В какой-то момент Нин Гуйчжу случайно поднял голову и увидел Сюн Цзиньчжоу, который стоял неподалёку вместе с группой стражников и смотрел в их сторону. Заметив, что Нин Гуйчжу тоже посмотрел на него, Сюн Цзиньчжоу с улыбкой поднял руку, приветствуя супруга.

Нин Гуйчжу невольно улыбнулся. Но тут подошёл новый покупатель и заказал доухуа, поэтому он поспешно отвёл взгляд, добавил соус в чашку, которую уже наполнила Ван Чуньхуа, принял деньги и передал еду.

— Батоу, а почему сегодня ваш фулан тоже помогает продавать доухуа? — удивлённо спросил один из стражников, шедших рядом.

Все они прекрасно знали, как Сюн Цзиньчжоу обычно относится к фулану. Да и семья Сюн вовсе не нуждалась в деньгах. Почему же он вдруг позволил Нин Гуйчжу выйти и заниматься такой тяжёлой работой?

Сюн Цзиньчжоу отвёл взгляд и, продолжая обход, ответил:

— У него сегодня дела в уезде. Заодно помогает старшему брату и невестке.

— А-а.

Стражник ещё пару раз посмотрел в ту сторону и как раз увидел, как Нин Гуйчжу смеётся о чём-то вместе с Ван Чуньхуа. Он невольно подумал: такой красивый, да ещё и умелый - любой, у кого есть глаза, захочет его беречь и заботиться о нём. Неудивительно, что их начальник даже во время службы всё время думает о фулане.

Втроём они работали очень быстро, и ещё до полудня весь принесённый доухуа был распродан. Сюн Цзиньпин собрал со стола все использованные чашки и ложки, несколько раз сходил за водой, тщательно всё вымыл и сложил обратно в деревянные вёдра. Грязную воду вылили в выложенный каменными плитами сток, место торговли тоже прибрали. Затем деревянные вёдра поставили одно на другое на тележку.

Маньтоу снова запрягли в неё. Почувствовав, что тяжёлого груза больше нет, мул легко переступил передними копытами. Без прежней тяжести Нин Гуйчжу уже было труднее им управлять. К счастью, Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа отлично умели умирять этого маленького хитреца, который задирает слабых и слушался сильных. Поэтому Нин Гуйчжу шёл рядом с пустыми руками, а вся семья направилась к ближайшей лавке пряностей.

Обычно в лавку пряностей заходили как минимум люди из семей с небольшим достатком, а вот чтобы трое покупателей приехали сюда на тележке, запряжённой мулом, такое случилось впервые.

Продавец в лавке по привычке судил о людях по одежке и смотрел на небогатых свысока, поэтому лениво протянул:

— Здесь продают пряности, не...

Однако, разглядев троих посетителей, он тут же сменил тон:

— Какие пряности желаете приобрести?

Из-за истории с ткацким делом все более-менее состоятельные семьи знали Нин Гуйчжу в лицо и были осведомлены, что тот снискал расположение господина уездного судьи. Пришедшие вместе с ним мужчина и женщина были старшим братом и невесткой из семьи Сюн, которые в последнее время торговали в уезде доухуа. А за их спинами стоял ещё один человек, пользовавшийся благосклонностью уездного судьи. Продавец был бы полным дураком, если бы ради минутного удовольствия нагрубил им и нажил неприятности. Если из-за него у лавки действительно возникнут проблемы, хозяин просто вышвырнет его на улицу, а вовсе не станет за него заступаться.

Нин Гуйчжу спросил:

— Бадьян, фенхель и сушёный имбирь есть?

— Всё есть. Прошу, проходите, — продавец вышел вперёд и спросил: — Сколько вам потребуется?

— Сколько будет стоить по три лян каждого?

Продавец взял счёты и быстро подсчитал:

— Фенхель и бадьян подороже - по восемьдесят вэней за лян. Сушёный имбирь - тридцать вэней за лян. Всего пять цяней и семьдесят вэней.

По дороге сюда Нин Гуйчжу представлял себе куда более страшные цены, поэтому, услышав названную сумму, решил, что она ещё вполне приемлема. Он кивнул Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин, после чего Сюн Цзиньпин достал кусочек серебра и положил на прилавок. Продавец не стал сразу взвешивать серебро, а сперва отмерил пряности в указанном Нин Гуйчжу количестве.

Однако когда маленькие свёртки с пряностями оказались перед ним, цена, ещё недавно казавшаяся терпимой, внезапно вновь стала непомерно высокой. Глядя, как продавец берёт серебро и кладёт его на весы, Нин Гуйчжу невольно задумался, не поискать ли пряности в горах и не попробовать ли вырастить их самому. Много ему не требовалось, даже если выращенного хватит лишь для собственной семьи, уже получится сэкономить немало денег.

В отличие от Нин Гуйчжу, Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин отнеслись к этому совершенно спокойно. Ещё вчера, когда зашла речь о покупке пряностей, они морально подготовились к большим расходам, поэтому теперь, увидев, что больше пяти цяней серебра обменяли всего на несколько маленьких свёртков, не почувствовали ничего особенного.

Упакованные пряности вместе со сдачей в медяках сложили в бамбуковую корзину. Выйдя из лавки, Нин Гуйчжу не удержался и глубоко вдохнул, пытаясь успокоить бурлящие чувства.

Ван Чуньхуа, заметив это, со смехом похлопала его по плечу:

— И почему в итоге именно ты так переживаешь?

Нин Гуйчжу вздохнул:

— Я знал, что пряности дорогие, но вы только посмотрите: почти шесть цяней серебра и всего вот столько. Всё равно слишком дорого.

— Ну всё, всё, не вздыхай. Разве ты сам не говорил, что отвар из этих пряностей можно

использовать много раз? Если распределить расходы на всё это время, получится совсем немного, — утешила его Ван Чуньхуа.

Нин Гуйчжу прикинул в уме и сказал:

— Этот отвар придётся использовать как минимум два года. Нужно снизить расходы хотя бы до одного вэня в день.

— Хорошо! — ответила Ван Чуньхуа. — Тогда, Чжу-гер, придётся тебе нас всему научить!

Она говорила совершенно искренне. Нин Гуйчжу потёр нос и с улыбкой пообещал:

— Не волнуйтесь, обязательно научу вас как следует.

Раз пряности были куплены, можно было возвращаться домой. По дороге к городским воротам они как раз встретили Сюн Цзиньчжоу, который закончил очередной обход и специально сделал крюк, чтобы пройти мимо них. Увидев, что они направляются из города, он спросил:

— Пряности уже купили?

Нин Гуйчжу кивнул:

— Да.

— А-а, — голос Сюн Цзиньчжоу прозвучал немного уныло, однако он быстро взял себя в руки и напомнил Нин Гуйчжу: — Будьте осторожнее по дороге домой. Если устанешь, садись на тележку и отдохни.

— Не беспокойся.

Глаза Нин Гуйчжу изогнулись от улыбки. Немного подумав, он отвязал висевший при нём кошелёк, сунул его в руку Сюн Цзиньчжоу и тихо сказал:

— Потом зайди в мясную лавку, купи несколько цзиней мяса и принеси домой. Убирать пшеницу нелегко, с мясом сил будет побольше.

Сюн Цзиньчжоу опустил на него взгляд и, подражая ему, тоже понизил голос:

— Хорошо.

Пока они разговаривали, Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин решили, что супруги обсуждают что-то личное, поэтому не прислушивались. Они сами стояли рядом и негромко совещались тоже о том, что неплохо бы купить домой мяса. Теперь времена были уже не те, что прежде. В руках появились кое-какие деньги, и во время страды они вполне могли позволить себе потратиться на мясо.

После полудня Сюн Цзиньпину всё равно предстояло снова ехать в город развозить тофу и прочие товары, поэтому, выслушав очередное напоминание Ван Чуньхуа, он лишь кивнул, показывая, что запомнил, и не торопился идти в мясную лавку прямо сейчас.

А вот Сюн Цзиньчжоу...

Расставшись с ними, он напрямиком направился за мясом.

Когда Нин Гуйчжу, Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин вернулись домой, трое нанятых тётушек уже всю работу под руководством Лю Цюхун и Сюн Шишаня. Нин Гуйчжу остался ненадолго помочь разгрузить вещи, а затем спросил:

— У нас есть глиняный сосуд побольше?

Как раз вышедший наружу Сюн Шишань между делом спросил:

— Насколько большой?

Нин Гуйчжу показал рукой высоту чуть выше колена:

— Примерно вот такой.

Сюн Шишань немного подумал и повернулся к Лю Цюхун, находившейся на кухне:

— Мать, тот большой чан, в котором ты квасишь овощи, сейчас свободен?

— Свободен. А что?

— Чуньхуа с остальными нужен. Где он стоит? Я вынесу.

Ещё вчера Нин Гуйчжу говорил, что собирается научить их новому способу приготовления сушёного тофу, а теперь, едва вернувшись, сразу спросил о большом глиняном чане. Нетрудно было догадаться, зачем он понадобился.

Лю Цюхун вышла из кухни и вместе с Сюн Шишанем отыскала большой сосуд в глубине

кладовой. Сюн Цзиньпин опередил Нин Гуйчжу и Ван Чуньхуа, поднял чан и спросил:

— Куда нести?

Нин Гуйчжу указал в сторону заднего двора:

— Давайте приготовим у меня дома.

Здесь всё ещё работали трое нанятых тётушек, а варить пряный рассол всё-таки спокойнее без посторонних глаз.

Сюн Цзиньпин кивнул и понёс чан впереди. Нин Гуйчжу и Ван Чуньхуа взяли сушёный тофу и пряности и последовали за ним. Сюн Цзиньпину ещё нужно было развозить тофу по уезду, поэтому, поставив чан, он сразу ушёл. Нин Гуйчжу сказал:

— Невестка, вымой чан и потом поставь на стол просушиться на солнце. А я пока промою пряности.

— Хорошо.

Конечно, трёх купленных видов пряностей было недостаточно. Нин Гуйчжу достал из шкафа нужное количество корицы и сычуаньского перца, тщательно промыл их вместе с остальными и отложил в сторону. Затем сходил на задний двор, сорвал немного зелёного лука, вымыл и связал узлом.

Ван Чуньхуа, закончив мыть большой глиняный сосуд, вернулась на кухню, засучила рукава и спросила:

— Чжу-гер, что ещё нужно подготовить? Давай я сделаю.

— Уже всё готово, — улыбнулся Нин Гуйчжу.

Он поднялся, взял стоявшее рядом ведро с водой и, наливая воду в котёл, пояснил:

— Пряный рассол готовить совсем несложно. Посмотришь один раз — и всё поймёшь. Потом я ещё запишу на бумаге пропорции пряностей, а ты хорошо сохрани запись.

— Хорошо.

Ван Чуньхуа потёрла ладони и встала напротив, внимательно следя за каждым его движением. В котёл налили чистую воду, положили промытые пряности и связанный лук, добавили нужное

количество мелкой соли и соевого соуса, после чего Нин Гуйчжу просто накрыл котёл крышкой.

Ван Чуньхуа:

— Уже всё?

— Всё, — ответил Нин Гуйчжу.

Теперь оставалось лишь варить всё на сильном огне. Когда вода закипела, по кухне начал распространяться насыщенный ароматпряного рассола. Нин Гуйчжу передал Ван Чуньхуа записанный по памяти рецепт рассола, затем взял принесённые из дома плоские куски тофу и опустил их в котёл.

— Когда будете делать такой сушёный тофу, его тоже сначала нужно вымочить в солёной воде и только потом варить в пряном рассоле.

Ван Чуньхуа удивилась:

— Разве тогда времени не потребуется ещё больше?

— Нет, — покачал головой Нин Гуйчжу. — Перед варкой в пряном рассоле достаточно вымачивать его примерно столько времени, сколько горит одна ароматическая палочка. Затем приготовленный тофу нужно подсушить, четверть часа пропарить в котле и снова выставить сушиться. Если солнце хорошее, одну партию можно закончить всего за полдня.

Это было гораздо быстрее, чем сушить тофу после вымачивания в солёной воде. Ван Чуньхуа заметно воодушевилась.

Объяснив ей способ приготовления в пряном рассоле, Нин Гуйчжу добавил:

— Хотя теперь вы умеете делать и такой тофу, не спешите отказываться от прежнего способа с солёной водой. Когда будете доставлять покупателям сушёный тофу, добавляйте в подарок немного нового пряного тофу. Пусть попробуют и сами придут к вам заказывать новый.

— Хорошо, я запомнила, — несколько раз кивнула Ван Чуньхуа.

Готовый тофу вынули из рассола, разложили на плетёном подносе и вынесли наружу сушиться, после чего Нин Гуйчжу начал объяснять Ван Чуньхуа, как правильно хранить пряный рассол. На самом деле всё было очень просто: нужно тщательно выловить из него все остатки пряностей и прочие кусочки, довести рассол до кипения, дать ему остыть, а затем перелить в плотно закрывающийся глиняный сосуд.

Дела у семьи шли хорошо, поэтому пряный сушёный тофу наверняка придётся готовить каждый день, а значит, о необходимости регулярно кипятить рассол они в любом случае не забудут.

Нин Гуйчжу также предупредил:

— Рассола при каждой варке будет становиться всё меньше. Когда станете доливать чистую воду, следите за количеством. Если не уверены, можно добавить немного пряностей и проварить вместе с ними.

Ван Чуньхуа тут же спросила:

— А сколько именно добавлять?

— Это зависит от того, сколько воды вы долили и насколько насыщенным остался вкус рассола.

Нин Гуйчжу немного подумал, но понял, что словами объяснить это непросто, и сказал:

— Когда понадобится, просто позови меня, я посмотрю на месте.

— Хорошо, тогда я спокойна, — радостно ответила Ван Чуньхуа.

Для варки пряного рассола понадобилась лишь часть купленных специй. Нин Гуйчжу снова аккуратно завернул оставшиеся, затем достал из буфета промасленную бумагу и отдельно упаковал для них сычуаньский перец и корицу.

— Невестка, потом не забудь забрать специи с собой.

Ван Чуньхуа как раз следила за рассолом и, услышав его, отозвалась. Обернувшись и увидев пять свёртков со специями, она наконец вспомнила и спросила:

— Чжу-гер, а сколько стоили те две специи, которые ты добавил потом? Когда вернусь домой, отдам тебе деньги.

— Не нужно, — отказался Нин Гуйчжу.

Не дожидаясь, пока Ван Чуньхуа начнёт настаивать, он быстро рассказал, откуда взялись сычуаньский перец и корица.

Раз уж их можно было собрать в горах, Ван Чуньхуа больше не стала настаивать, однако подумала, что постоянно принимать что-то от Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу тоже не годится,

поэтому впредь всё же следует время от времени приносить им что-нибудь в ответ. Последние дни выдались настолько хлопотными, а сама Ван Чуньхуа была так поглощена радостью от заработка, что совершенно об этом не задумывалась. Теперь же она невольно досадовала на собственную невнимательность.

Увидев, что она замолчала, Нин Гуйчжу решил, будто Ван Чуньхуа всё ещё думает о сычуаньском перце и корице, и между делом рассказал ей, где именно нашёл их:

— На одну порцию рассола специй нужно совсем немного. Когда появится свободное время, можно будет сходить и набрать ещё, спешить некуда.

Ван Чуньхуа кивнула.

Приготовленному в рассоле тофу ещё предстояло некоторое время сушиться, поэтому Ван Чуньхуа пока вернулась в передний дом заниматься делами, а Нин Гуйчжу взял плетёную корзину, прихватил мотыгу и вышел из дома, намереваясь, пока есть время, набрать немного дикой зелени. Поскольку искать он начал прямо в лесу возле дома, добыча оказалась довольно богатой. Помимо пастушьей сумки и портупака, ему попалось несколько тонких длинных побегов водяного бамбука, а добравшись до реки, он заметил небольшую заросль дикого сельдерея.

Обойдя окрестности, Нин Гуйчжу вернулся с полной корзиной. Разложив собранную зелень в тенистом уголке, он разжёг печку, положил поперёк горлышка глиняного горшка несколько палочек для еды, сверху устроил баоцзы и немного разогрел их вместе с кашей.

Полдень уже миновал, и наступило самое жаркое время дня. Как только баоцзы немного прогрелись и снова стали мягкими, Нин Гуйчжу снял их, взял кашу и уселся у окна, неспешно обедая.

— Учитель, мама зовёт вас домой обедать!

От ворот донёсся звонкий детский голос. Нин Гуйчжу поднял глаза, помахал рукой, привлекая внимание детей, и с улыбкой сказал:

— Учитель уже обедает. Хотите остаться и немного поесть со мной?

Дети замотали головами:

— Не-е, тогда мы домой пойдём, ладно?

— Хорошо, — отозвался Нин Гуйчжу, а затем, пока они ещё не успели далеко убежать, повысил голос: — Как поедите, приходите сюда! Сегодня ещё будем учить новые строки.□□

— Хорошо-о...

Утром дети наигрались до упаду, поэтому теперь протянули ответ с явным разочарованием.

Ван Чуньхуа некоторое время ждала дома и в итоге дождалась только троих своих ребяташек. Она удивлённо спросила:

— А ваш учитель где?

Среди трёх поникших «редисок» нашлась одна не настолько унылая. Сюн Иньинь ответила:

— Учитель уже кушает. Он ещё нас звал поесть, но братья сказали, что надо возвращаться домой.

— И правильно, что вернулись. Нечего всё время есть за счёт вашего учителя, — сказал подошедший Сюн Цзиньпин, который только что покормил мула, и погладил дочь по голове.

Но Ван Чуньхуа заинтересовало другое:

— А чего вы все такие?

Сюн Чуаньшуй подражательно вздохнул, совсем как взрослый:

— Учитель сказал, что после еды надо снова идти на урок.

Услышав это, Ван Чуньхуа подняла руку и по очереди легонько стукнула всех троих по головам:

— Вас читать учат, а вы ещё и носы вешаете? По-моему, вас просто давно не пороли!

Увидев, что мать уже засучивает рукава и ищет бамбуковый прутик, трое молнией рванули в главный зал:

— Дедушка, бабушка! Когда можно есть? Нам ещё на урок идти!

Ван Чуньхуа от этой картины и рассердилась, и рассмеялась.

Сюн Цзиньпин подошёл к ней, взял за руку и мягко сказал:

— Не сердись. Они только языком болтают, а когда начинается урок, всё равно сидят смирно и учатся.

Ван Чуньхуа сердито посмотрела на мужа:

— Это ты их распустил.

Сюн Цзиньпин, получив нагоняй, лишь слегка улыбнулся и, не выпуская её руки, повёл в главный зал. Вся семья уселась за обед.

Трое детей действительно боялись получить взбучку. Поэтому, закончив есть, они тут же положили палочки, вытерли рты и собрались бежать во двор. К счастью, Лю Цюхун вовремя их остановила, принесла платки и лично проследила, чтобы каждый вытер рот и руки, лишь после этого отпустив наружу.

Нин Гуйчжу сидел под навесом и неторопливо обмахивался веером. Увидев, как дети вбежали во двор, он указал на стол в главной комнате:

— С сегодняшнего дня нас почти никто не будет отвлекать, так что занятия будем проводить в главном зале.

С наступлением жары в спальне тоже перестало быть прохладно. А вот в главном зале было иначе: передняя сторона оставалась открытой, а если распахнуть ещё и маленькую дверь, ведущую на задний двор, сквозняк приносил волны прохлады.

Дети, конечно, не понимали этих взрослых соображений. Услышав слова Нин Гуйчжу, они подбежали к столу в главном зале, первым делом разобрали свои песочные дощечки и бамбуковые палочки, а потом принялись двигать табуретки, чтобы усесться в один ряд.

Нин Гуйчжу подошёл и легонько постучал каждого:

— Лето на дворе, а вы ещё жмётесь друг к другу. Сядьте по двум соседним сторонам стола, и хватит.

— О.

Сюн Чуаньшуй первым перестал двигать табурет. Увидев перед собой угол стола, он тут же просиял:

— Я буду сидеть здесь!

Для ребёнка место на углу стола, не похожее на обычное сиденье у края, казалось чем-то особенным.

Сюн Цзиньбо и Сюн Иньинь тут же посмотрели на него с завистью.

Плетёный веер в руке Нин Гуйчжу на мгновение замер.

— Ты правда хочешь сидеть именно здесь?

Сюн Чуаньшуй поспешно закивал, боясь, что если замешкается хоть немного, учитель передумает.

— Ладно, — согласился Нин Гуйчжу. — Но сегодня место менять нельзя. Если окажется неудобно, не вздумай потом капризничать.

— Не волнуйтесь, учитель! Не буду! — твёрдо заявил Сюн Чуаньшуй.

Нин Гуйчжу лишь приподнял бровь и больше ничего не сказал. Он немного подвинул решётчатую рамку на столе, устойчиво поставил её по диагонали напротив детей, затем взял длинную тонкую бамбуковую указку и начал объяснять написанное.

Они несколько раз прочитали текст вслух. Когда дети примерно уловили, где делать паузы, Нин Гуйчжу перешёл к написанию и смыслу каждого иероглифа, а затем повёл их за собой в письме. Плетёный веер тихо покачивался, разгоняя жару лёгким ветерком. Дети склонили головы и сосредоточенно выводили новые иероглифы.

Так, среди летнего зноя, время понемногу шло вперёд.

Ван Чуньхуа ненадолго отложила домашние дела и пришла во двор позади дома. Нин Гуйчжу приложил палец к губам, показывая ей соблюдать тишину, осторожно отошёл от детей и вместе с Ван Чуньхуа принялся пропаривать пряный сушёный тофу.

Остывший пряный рассол перелили в большой просушенный глиняный чан. Пряный сушёный тофу отправили в котёл и пропаривали дольше времени горения одной ароматической палочки. Затем его снова разложили на плетёном подносе и выставили сушиться под солнцем. Ван Чуньхуа поспешно вернулась в передний дом заниматься делами, а Нин Гуйчжу снова сел в главном зале и, обмахиваясь веером, продолжил учить троих детей.

Детское чтение то и дело разносилось по двору. Так продолжалось до тех пор, пока солнце не начало клониться к западу и не приблизился вечер. Вернувшийся домой Сюн Цзиньчжоу открыл ворота и тем самым прервал урок.

Нин Гуйчжу поднял голову, увидел его и улыбнулся. Затем плетёным веером легонько постучал каждого из троих по голове:

— Всё, на сегодня хватит. Идите домой. Завтра начинаем убирать пшеницу, так что сами повторяйте и заучивайте то, что уже прошли. Поняли?

— Поня-яли-и...

Трое протянули ответ, сами прибрали стол и с явным нетерпением выбежали из главного зала. Проходя мимо Сюн Цзиньчжоу, они ещё довольно бодро поздоровались:

— Дядюшка!

А затем, даже не оглянувшись, умчались со двора.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел им вслед, подошёл к Нин Гуйчжу, наклонился и поцеловал его в щёку.

— Они тебя сегодня не сердили?

— Нет. Все трое очень послушные.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу явно хотел что-то сказать, но промолчал. Не то чтобы он, как родной дядя, непременно хотел плохо отзываться о детях. Просто в последнее время по их поведению становилось всё заметнее, что учиться они любят всё меньше.

Нин Гуйчжу примерно догадался, о чём тот думает, и с улыбкой сказал:

— Они же дети. Если во время занятий держать их слишком строго, то в свободное время они, естественно, будут ещё больше шалить и резвиться. Не переживай.

— Ну ладно.

Раз учил их Нин Гуйчжу и сам говорил, что всё в порядке, значит, действительно беспокоиться было не о чем.